

ТРАДИЦИОННЫЕ ЗАНЯТИЯ НЕНЦЕВ: ОХОТА, РЫБНАЯ ЛОВЛЯ, ОЛЕНЕВОДСТВО

Основу традиционного хозяйства ненцев составляет крупнотабунное оленеводство, существующее и сейчас. Большинство исследователей считают, что сформировалось оно в XVIII веке и только в следующем столетии оформилось в современный тип.

Первичные навыки оленеводства предки ненцев, очевидно, принесли с собой из района Саяно - Алтая. Многие ученые считают самодийцев Саяно - Алтая первыми оленеводами на земле: они впервые приручили дикого оленя. Некоторые полагают, что первые прирученные олени появились в результате загонной охоты, широко бытовавшей в Сибири.

Часть животных оставлялась в огороженном корале в качестве живого запаса мяса. И постепенно именно эти животные дали начало домашним оленям.

Согласно другой версии одомашнивалось сразу целое стадо. Группа охотников с семьями кочевала вслед за стадом диких оленей, по мере необходимости отстреливая нужное количество. Постепенно охотники стали рассматривать стадо как свою собственность, охранять его от хищников и улучшать породу. Олени, в свою очередь, привыкали к постоянному соседству людей. Еще один возможный вариант: от убитых оленей оставались оленята, их приводили в поселки и держали на привязи. Подросшие оленята, привыкшие к привязи, становились ручными. Интересно, что у восточных тувинцев-оленеводов до настоящего времени сохранился обычай приучать новорожденных оленят к привязи и к стреноживанию.

Древнее самодийское оленеводство на Саяно-Алтае, как и современное тувинское или эвенкийское, являлось выючно-верховым. Разводимый олень — крупной породы, на нем возможна езда верхом. Северная порода оленей, в связи с суровыми климатическими условиями, более мелкая, на таком животном нельзя ездить верхом: позвоночник слишком слаб. Поэтому здесь практикуется только упряжное использование оленя. Хотя в некоторых местах у энцев и лесных ненцев изредка встречались в прошлом остатки выючного, но не верхового использования оленя.

На историю происхождения ненецкой оленьей нарты у ученых нет единой точки зрения. Полагают, что она возникла или из собачьей нарты или развилась из лодки или волокуши. В любом случае нарта имеет местное, северное происхождение, а не принесена самодийцами из Южной Сибири. Очевидно, первоначально ненецкая оленья нарта была однополосной и напоминала лопарскую кережку: нарту, имеющую корпус в виде лодки и стоящую на одном широком полозе. Один из ненцев рассказывал: «Первое время наши люди санок не имели. Летом лодках ездили, зимой под них лиственничные полозья подбивали и так ездили». Это подтверждается рисунками из летописей. Возможно, такая нарта появилась в подражание собачьей нарте подобной конструкции.

У аборигенного досамодийского населения собаководство было развито довольно широко. Об этом говорят как данные археологии, так и многие письменные источники. Можно отметить, что содержание большого числа собак, необходимых для упряжек, возможно только в рамках развитой рыболовецкой или промыслово-морской культуры.

У них есть шанс заготовить большое количество корма для собак. В тундре пищевых ресурсов для них недостаточно. Появившись в тундре, самодийцы сначала занимались в большей степени охотой на диких оленей и в небольшом количестве содержали домашних; они, очевидно, рассматривались как запас пищи «на черный день». В транспортных целях оленя почти не использовали. В ненецком предании, записанном на Ямале, говорится о древнем жителе — ненеце, который «...за оленями пешком ходил. С осени до весны ходил, и с весны до осени. На оленях никогда не ездил». Поскольку пришельцы-самодийцы были, видимо, слишком многочисленны для тундровых экологических условий, поголовье дикого оленя стало постепенно сокращаться. Соответственно для поддержания жизни людей увеличивалось стадо домашних оленей, их использовали в качестве упряжного животного. Это произошло, возможно, под влиянием бытовавшего у аборигенов упряжного собаководства. Некоторое время собачьи и олени упряжки сосуществовали друг с другом.

Ассимиляция аборигенов и дальнейшее сокращение поголовья дикого оленя привели к тому, что домашний олень стал универсальным транспортом и вытеснил собачью упряжку. Соответственно изменилась конструкция нарты, ставшей полезной. Первым шагом стало изготовление подпорок, поддерживающих корпус на цельном полозе.

Следующий шаг — раздвоение полоза и превращение подпорок в копылья. Такая нарта была не только устойчивее, но и легче кережки. Первые двух полозные нарты были прямо копыльными. Более развитый тип — косокопыльная нарта, копылья у которой наклонены назад, — появился только в XVII веке. Косокопыльная нарта позволяла использовать в конструкции более тонкие детали, то есть была легко без ущерба для ее прочности. С утверждением крупно табунного оленеводства в XVIII веке косокопыльная нарта повсеместно вытеснила свою предшественницу.

К началу XIX века у ненцев закончилось формирование крупнотабунного оленеводства. Этот тип хозяйства оказался наиболее приемлемым для тундровых условий, что объясняет сохранение оленеводческого хозяйства вплоть до наших дней, хотя в советский период оно и было оформлено в виде совхозов. Сложившаяся система оленеводства с течением времени практически не изменилась, став традиционной. Олени круглый год содержались на подножном корме. Зимой они питались ягелем, а летом в основном зеленой травой и молодыми побегами кустарников. Подкормка их в кочевых хозяйствах в прошлом не производилась. Только иногда в чумах выращивали телят, брошенных важенками. За такими телятами — авками — обычно ухаживали дети.

Обязательным элементом содержания крупных стад стали сезонные перекочевки. Примерно в марте начинали движение к северу, нередко до берегов моря, где олени меньше страдали от гнуса; в августе шли обратно к югу ближе к границе тайги, где деревья сдерживали зимние ветры и снег был более рыхлым: оленям проще добывать себе корм.

В XVIII—XIX веках у оленеводов сложились определенные маршруты кочевания, которые не изменялись до последнего времени. Г. Тарасенков, исследовавший Ямал в 1935 году, выделил в составе ямальных ненцев четыре кочевые группы со своим маршрутом каждая. Первая группа лето проводит на Западном Ямале в низовьях реки Йоркуты. Осенью они движутся на юго-восток по водоразделу рек Щучья и Хадыта. Подходят к Оби ко времени становления льда и пересекают ее в районе Вануй-то и Кутопьюгана. Зимние пастбища находятся в среднем течении реки Ерудей (приток Надыма). В апреле начинают обратное движение. Отел проводится уже на Йоркуте. Вторая группа имеет летние пастбища в низовьях Юрибея и на побережье Байдарацкой губы.

Осенью направляется к рекам Яде и Яр-Сале. В районе Яр-Сале пересекает Обскую губу. Зимние пастбища находятся на левобережье Надыма за рекой Ерудей. Весной группа движется в обратном направлении. Отел производится на Юрибее и в районе озера Ярро-то. Третья группа летом находится на побережье Карского моря и у озера Нейто. В сентябре начинает движение на юго-восток и переходит Обь по линии Мыс Каменный — Езелово. Зимние пастбища расположены в районе Езелово, на реках Табьяга, Хусь-яга и Из-яга. К моменту отела весной возвращается к озеру Нейто. Четвертая группа — самая малочисленная — круглый год кочует на Ямале. Лето они проводят на севере полуострова, на побережье Карского моря и Обской губы, зимой кочуют по Ямальскому водоразделу.

Маршруты перекочевки учитывали наличие пастбищ, их величину, удобные места для стоянок и отела. В прошлом немаловажное значение имела и возможность оказаться в январе неподалеку от Обдорска, где на ярмарке-можно было купить необходимые вещи и продукты, а также заплатить правительству ясак.

Кочевать начинали обычно небольшими переходами — по 10—15 км в день. Чем больше было стадо, тем быстрее оно вынуждено было двигаться, поскольку корма оленям в одном месте хватало ненадолго. Ямальные ненцы имели, пожалуй, самые протяженные маршруты кочевания — от 500 до 1000 км. Поскольку некоторые стоянки продолжались несколько дней, особенно долгими они были во время отела, общее время сезонной перекочевки составляло 2—3 месяца. В кочевании не участвовала незначительная часть населения, занятого охотой и рыболовством.

Кочевой караван — аргиш состоял из нарт, построенных в определенном порядке. Сначала нарта хозяина, затем нарта для священных предметов, женская нарта, несколько грузовых нарт с одеждой и прочим имуществом. На последних нартах везли жерди для чума и доски для покрытия пола. Впереди аргиша пастухи на легких ездовых нартах гнали стадо, направляя его в нужную сторону.

Для управления упряжками оленеводы использовали хорей — длинный шест, выточенный из березы, с круглой костяной насадкой на конце, предохраняющей круп оленей от повреждений. В упряжке, как правило, находился хотя бы один опытный, задававший тон бык. Он запрягался слева, и к его узде крепился повод. Равномерное натягивание повода заставляло передового поворачивать

налево, а резкое подергивание — направо. В летнюю упряжку запрягали обычно 5 быков, а в зимнюю — 4 быков или яловых важенок.

Основным орудием труда был и остается тынзян — аркан для ловли оленей, сплетенный из тонких полосок кожи. Петля на аркане затягивается с помощью костяного блока, имеющего два отверстия.

В одном крепится конец тынзяна, а через другое свободно проходит петля. Использование костяного блока позволяет ей затягиваться быстро и легко.

Оленеводы, имевшие стада средней величины, пасли их сами. На лето несколько таких семей объединялись, чтобы общими усилиями следить за оленями в период, когда много гнуса. Богатые оленеводы, имеющие несколько тысяч оленей, нанимали в помощники своих более бедных родственников. Не совсем верно оценивать эту социальную форму как угнетение бедноты. Часто это было проявлением заботы об обедневших сородичах: они получали чум, одежду, пищу, избавляясь от угрозы голодной смерти. Крупных владельцев, впрочем, было немного.

Б. Житков в начале XX века отметил двух наиболее крупных оленеводов Ямала — Мыйчи Окоэтто — 4000 оленей и Ханзеру Худи — 6000 оленей. Бедные оленеводы, со стадом в несколько десятков голов, кочевое хозяйство не вели. Они отдавали своих оленей на выпас родственникам за небольшую плату.

Сами же занимались охотой и рыбной ловлей. С XIX века довольно большую роль стали играть пастушеские лайки. До этого собаки ненцами практически не применялись. Их появление связано, очевидно, с ростом оленьих стад, когда людям потребовались помощники. Большое стадо обычно пасли два оленевода и несколько собак. В обыденных, спокойных условиях олени держатся вместе, и пастухи только наблюдают за ними. Зимой пастухи время от времени объезжают стадо по кругу, определяя по следам, все ли оно в сборе. Ушедших оленей искали и возвращали.

Состав стада включал племенных быков (хора), кастрированных ездовых быков (хабт), важенок (яхадеи), новорожденных телят (сую), годовалых телят (няяку), двухгодовалых оленей (намна) и яловых важенок (хабтарка). Последние, как и кастрированные быки, использовались в упряжках. Численно в стаде преобладали важенки. На Ямале ненцы держали 6—7 самцов-производителей на каждую сотню важенок, остальных самцов кастрировали. Операции подвергались молодые быки 3—5 лет. Кастрация производилась в конце августа — начале сентября, накануне гона у оленей, чтобы отобрать для получения потомства лучших быков и избежать поединков многочисленных самцов-производителей.

Другой важный период — время отела — приходился на весну. На это время самцов часто отделяли от важенок и прошлогодних телят. Для отела выбирались холмистые места на берегах рек или озер, защищенные от ветра, где южные склоны холмов уже освободились от снега. Отел проходил в апреле-мае, когда погода очень переменчива. Это требовало повышенного внимания со стороны оленеводов, так как неблагоприятные погодные условия могли при вести к значительным потерям. Летом основная проблема оленеводства — гнус. Поэтому в летнее время оленей держат вблизи морского побережья или горных кряжей, где ветер сдувает гнус.

Поздней осенью проходит период забоя оленей для получения мяса и шкур. В течение года оленей также забивают, но в небольшом количестве — по мере потребностей хозяйства оленеводов. После осеннего забоя стадо сокращалось примерно на 25%.

Забивались главным образом старые и больные ездовые олени, бесплодные важенки, часть подросших телят. Такой массовый забой, разумеется, проводился только в крупных стадах, при наличии возможностей сбыта или сохранения продукции. Бедные оленеводы старались своих оленей не забивать, заботясь об увеличении поголовья. Кроме того, там, где была возможность добыть диких оленей, домашних также старались сохранять.

Отбор оленей для упряжек и для забоя проводился с помощью временного загона из нарт, которые составлялись полукругом. Загон ненцы называли ва'. Оленей гнали к нартам, а затем позади них от двух крайних нарт протягивали веревку, ее держали женщины и старики. Мужчины отыскивали в загоне нужных оленей и выводили их на привязи. Таким образом, отбор оленей значительно облегчался.

Олень давал людям практически все необходимое для жизни: мясо, шкуры для одежды, сухожилия для ниток, кость и рога для украшений, различных инструментов и деталей. Свежая оленья кровь помогала избежать цинги, опасной болезни на Севере.

Несмотря на высокий уровень развития оленеводства, ненцы сохраняли и другие виды хозяйственной деятельности — охоту и рыбную ловлю. Причем у ямальных ненцев они играли несколько большую роль, чем у остальных. Так, Г. Тарасенков сообщал, что ненцы Ямала добывают половину всей пушнины по округу. Кроме того, Е. Копытова, по официальным данным 1940 года, насчитывает среди ямальных ненцев 759 охотников, активно сдающих продукты охотничьего промысла. При общей численности ямальных ненцев в 4582 человека, приводимой автором, это составляет подавляющее большинство взрослого мужского населения. Разумеется, большинство охотников сочетали это занятие с оленеводством, занимаясь охотой в периоды, когда олени не требуют постоянного внимания.

На первом месте у ямальных охотников стоял в прошлом промысел дикого оленя. Способы его добычи были разнообразными. Применялся, например, ныне забытый коллективный способ охоты «загоном». Стадо диких оленей загоняли в коридор из махавок, сделанных из гусиных крыльев, привязанных к шестам. До начала XX века проводилась в период гона охота с оленем-манщиком. Домашний олень с укрепленной на рогах ременной петлей подпускался к стаду диких оленей, навстречу ему выходил самец и вступал в поединок с пришельцем, защищая свои права на важенок. Во время боя ременная петля запутывалась в рогах дикого оленя, и он оказывался привязанным к домашнему. Тогда охотник мог приблизиться на удобное расстояние и стрелять. Известна была охота с помощью луков-самострелов, установленных на оленьих тропах.

Очень эффективна была охота на переправах, так называемая поколка. Дикие олени в ходе миграций пересекали реки в одних и тех же местах. Здесь их подстерегали охотники. Когда олени входили в воду, охотники выплывали на лодках и кололи оленей копьями, точнее — хорейми со специально надетыми железными наконечниками. Ниже по течению другая группа людей вылавливала убитых оленей и обрабатывала туши. Такая охота давала запас мяса и шкур на долгое время.

Среди пушных зверей наиболее частой добычей на Ямале был песец. Его ловили с помощью деревянных ловушек — пасти и кулёмы. Позже стали преобладать железные капканы, купленные у русских купцов. На ровной открытой местности практиковалось также преследование или коллективный загон песцов на оленьих упряжках. Такими же способами, но гораздо реже, добывали лисиц. Зимой в лесных районах ненцы охотились на белку, горностая и росомуху. Благодаря торговым связям с Россией в тундре появились ружья, которые вытеснили луки и копья.

Значимой для ненцев всегда была охота на птиц. Наиболее важным был весенний промысел линных уток и гусей. Птицы в этот период не могут летать, и часть охотников выгоняют их на открытое пространство, а другие бьют дичь палками либо ловят руками. Таким способом заготавливают много гусей и уток, часть добычи запасают впрок.

На Ямале с древней, досамодийской, эпохи сохранилась также охота на морского зверя в прибрежных районах. Добывали нерпу, морского зайца, белуху, тюленя и моржа. Для охоты применяли белый маскировочный щиток, установленный на лыжи, за ним прятался охотник, подползая к животному.

Кроме того, ямальские ненцы применяли оригинальный способ охоты: охотники шли на промысел вдвоем, пока один отвлекал внимание зверя, другой, прикрываясь маскировочным щитком, приближался на расстояние выстрела. На побережье, хотя и не часто, практиковали индивидуальную охоту на белого медведя из-за его ценной шкуры и сала.

Летом важную роль в хозяйстве ненцев играла и играет рыбная ловля. Традиционными орудиями лова служили неводы и ставные сети. Неводы снабжались поплавками из дерева или бересты и грузилами в виде камней или кусков оленьего рога. Ставные сети применялись в небольших реках. Известно было ненцам перегораживание рек плетеными из прутьев запорами. В отверстие, оставленное в запоре, устанавливалась морда (гимга). Применялся этот способ ненцами, ведущими оседлый образ жизни, кочевники такой возможности не имели.

К древним формам хозяйства можно отнести собирательство. Заготавливали главным образом ягоды — морошку, голубику, бруснику, а также дикий лук, утиные и гусиные яйца. Грибы в прошлом не ели, считая их оленьей едой. В большом количестве собирали пахучие травы для приготовления чая.

Даже после появления покупного чая часто добавлялись к заварке. В условиях дефицита витаминов собирательство играло большую роль в формировании рациона питания.

Современная материальная культура ямальских ненцев формировалась в суровых условиях Севера и максимально им соответствовала. Основным средством передвижения являлась ненецкая оленья упряжка, наиболее развитое и удобное транспортное средство тундровых оленеводов. В некоторых прибрежных районах до недавнего времени сохранялись собачьи упряжки. Ими пользовались безоленные охотники и рыболовы. Лыжи у ненцев известны двух типов: лыжи-голицы и лыжи-подволоки, подбитые оленьим камусом. Они крепились на ноге с помощью двух ремней, охватывающих носок и пятку, и использовались в основном во время охоты в лесных районах и редко — для пастьбы оленей. Ходили на лыжах без палок. Летом передвигались не только на оленьих упряжках, но и по воде — на лодках. Наиболее древним типом является лодка, выдолбленная из целого ствола дерева. Она была довольно легкой и управлялась с помощью двухлопастного весла. Другой тип, более поздний, — лодка, шитая из досок.

Она двигалась при помощи гребных весел. К классическим элементам оленеводческой материальной культуры относится ненецкий чум — незаменимое жилище тундровых кочевников. Жерди для каркаса чума заготавливаются в лесных районах, а покрышки представляют собой большие полотнища, сшитые из нескольких шкур оленя. Чум довольно быстро собирается и разбирается, что важно во время перекочевки с короткими остановками. При этом делают это женщины. Они, как правило, являются и собственницами чумов, получая их в приданое от своих родителей. Особенности ненецкого чума подробно описаны В. Чернецовым и Л. Хомич.

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА НЕНЦЕВ

Наилучшим образом приспособлена к условиям тундры традиционная одежда ненцев. Окончательное ее формирование произошло, видимо, в XIX веке вместе со становлением развитого оленеводческого хозяйства. Из Южной Сибири предки ненцев пришли, имея распашную одежду. Об этом свидетельствует наличие у ненцев женской распашной шубы и то, что мужская малица, например у лесных ненцев, имеет продольный шов спереди, также являющийся рудиментом распашной одежды. Известно, что еще в XVIII веке ненецкая малица не имела капюшона и шапка шилась отдельно. Костюм, сформировавшийся в XIX веке, почти полностью утратил южные черты (за исключением женской шубы). Мужская одежда состояла из малицы, меховых чулок и сапог.

Малица — глухая одежда с капюшоном из оленьей шкуры мехом внутрь. Она имела пришитые рукавицы. Поверх нее носили маличную рубаху из сукна, предохранявшую малицу от грязи и сырости. При сильных морозах поверх малицы носили совик: глухую одежду с капюшоном, но мехом наружу. Малица обычно подпоясывалась поясом из сыромятной кожи, на нем висел нож в ножнах, точильный камень, трут и кресало, а позже боеприпасы для ружья.

Женская шуба паны имела спереди разрез. Шилась она из двух слоев оленьего меха — один ворсом внутрь, другой ворсом наружу. Воротник был невысоким из меха песца или красной лисицы. К бортам пришивали семь пар ровдужных ремешков-завязок.

Праздничные паны украшались узорами из разноцветного меха в технике мозаики. Шуба дополнялась меховой шапкой с длинной затылочной частью, к ней прикреплялись многочисленные металлические украшения, по ненецким представлениям, отпугивающие своим звоном злых духов, а также удерживающие шапку на голове при порывах ветра. Ровдужные штаны и меховая обувь завершали женский костюм.

Под влиянием русских ненецкие женщины широко стали использовать платки в качестве головных уборов, завязывая их на русский манер.

Маленьким детям шили двухслойную меховую одежду с капюшоном, по покрою напоминающую малицу. Детские штаны делали сразу вместе с обувью. Такую одежду дети носили до 4—5 лет, затем переходили на одежду взрослого типа только меньшего размера. Изготовлением одежды и обуви занимались женщины, преимущественно летом. Новая одежда шилась раз в два-три года, обувь — гораздо чаще.

Народ «Х А Н Т Ы»

Ханты — народ, относящийся к угорской группе уральской языковой семьи. Ханты и близкородственный им народ манси называют обскими уграми, в отличие от венгров — европейских угров. В настоящее время ханты расселены в пределах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, а также в северных районах Томской области. Общая их численность по переписи 1989 года составила 22 283 человека. В этнографической литературе ханты принято разделять на северных (ханты или хантэ), южных (хандэ) и восточных (кантах или кантэк). К

северной группе обычно относят хантыйское население, проживающее по Оби (с притоками) от Обдорска до Мало Атымских юрт, включая в их число ханты, встречающихся на реках Северная Сосьва и Ляпин. По совокупности лингвистических и этнографических характеристик, в составе северных (или нижнеобских) ханты выделяют: обдорско-куноватскую; березовско-казымскую и атымско-шеркальскую группы.

Этнографические материалы дают основания выделять обдорско-куноватских ханты в отдельную территориальную группу. Предположительно эта группа, отличавшаяся высокой степенью эндогамности (79% браков заключалось внутри группы), имела «племенной характер». Не случайно граница современных автономных округов, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского, в основном совпадает с рубежом, отделяющим обдорско-куноватскую от более южных групп обских угров. Административно обдорско-куноватские ханты, численность которых, по переписи 1989 года, составила 7200 человек, относятся к Приуральскому и Шурышкарскому районам Ямало-Ненецкого автономного округа. Территория их расселения включает лесотундровую и северо-таежную зоны Нижнего Приобья.

На протяжении XVII — начала XX века обдорско-куноватские ханты проживали по Малой и Большой Оби с притоками: Лолуй, Собь, Собтые ган, Войкар, Куноват и Съшя. В административном отношении причислялись к Обдорской и Куноватской волостям. В первоначальный период освоения Сибири они входили в состав двух княжеств: Обдорского — с городками Пулноватвош, Войкар и Уркар, и Ляпинского, среди городков которого упоминается Куноват, располагавшихся в самой северной части обширного угорского мира. В «Книге Большому чертежу» указано, что «Обдорские грады», граничившие на юге с «Югорой», находились в устье реки Оби.

Географическое понятие «Обдория» встречается в картографических материалах XVI—XVII веков. Западноевропейские картографы того времени располагают страну *Abdori* или *Obdora* то у самого побережья Северного океана, то между Обью и Сосьвой, но всегда по соседству со страной *Jugri* или *Jugoria*. Уже в 1488 году в титуле Великого Московского князя появилось наименование «Югорский», позднее к нему добавились звания «Обдорский и Кондинский». Это может быть расценено как свидетельство того, что накануне русского освоения Сибири Югра, Обдория и Кондия представляли собой относительно самостоятельные этногеографические территории.

ВИДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХАНТЫ: РЫБОЛОВСТВО, ОХОТА И ОЛЕНЕВОДСТВО

В хозяйстве обдорско-куноватских ханты сочетались рыболовство, охота и оленеводство. Удельный вес этих отраслей в системе жизнеобеспечения той или иной группы определялся, прежде всего, природно-географическими условиями и наличием поголовья оленей. М. Кастрен отмечал, что остяки «различаются в своем образе жизни: одни из них живут только рыболовством, другие же, кроме того, содержат и оленей. Последние из них, по крайней мере летом, разделяются надвое, из которых одни исключительно преданы рыболовству, другие отправляются на кочевья со своими оленями». Особо он выделяет обдорских остяков, которые «разделяются на рыбаков и владельцев оленей. Первые живут по рекам, особенно по Оби и Надыму; последние кочуют... по тундрам и живут там в постоянном сношении с самоедами».

У безоленных и малооленных ханты лесотундровой зоны, у ханты северотаежной зоны ведущей отраслью хозяйства было специализированное летнее неводное рыболовство. Его организация и реализация продукции обеспечивались русскими рыбопромышленниками. На период интенсивного летнего лова на Обь выезжала и значительная часть хантыйского населения с верховий рек: на рыболовных песках сосредотачивалось от 5 до 20 хозяйств. Наряду с неводьбой летом проводился сетевой, переметный промысел пенных пород рыб.

В осенне-зимнее время в низовьях Оби рыбопромысел вели сетями и малыми неводами, а на обских притоках — запорами, сетями, «черпаньем» у ключей.

На огромное значение рыболовства указывает наличие в календаре обдорско-куноватских хантов большого числа гидрорыболовных наименований: Ас нобытты тылыщ — «месяц вскрытия Оби» (апрель), вонсь (уш) тылыщ — «вонзевой месяц» (июнь), ай лор тылыщ/вар верты тылыщ — «месяц малых соров» «месяц сооружения запоров» (июль), уйт утлор тылыщ — «месяц больших лесных горных соров» (август), щекур тылыщ «месяц щокура» (сентябрь), ик хальты тылыщ — «месяц замора воды» (январь). Начало рыболовного сезона у обдорско-куноватских ханты отмечалось жертвоприношением Инкики — «Хозяину вод» и Ас ики — «Обскому старику».

Особыми ритуалами в прошлом сопровождалась установка больших заборов, приходившаяся на начало июля. Поэтому для ханты-рыболовов стало традицией отмечать Петров день (12 июля — Петр-рыболов), а позднее — День рыбака. В завершение летнего года — Ильин день (2 августа) — устраивалось жертвоприношение семейным духам и Ильта-мувен ики (Хынь ики) — «Нижней Земли старику».

Немаловажное значение у обдорско-куноватских ханты имел охотничий промысел. Ханты-оленоводы практиковали охоту на песца капканами и слопцами в ходе осенних миграций к югу. В небольшом объеме промыслили таежного пушного зверя, зайца и куропатку на зимних пастбищах. Вспомогательную роль играла летняя загонная охота на линную птицу, случайный промысел дикого оленя.

Северо-таежные хозяйства уделяли охоте большее внимание. Не случайно ханты называли: март — аикер тылыщ — «малого наста месяц», апрель — ун кер тылыщ — «месяц большого наста», май — лонт васы тылыщ — «месяц прилета гусей и уток». Пушной промысел включал осеннюю охоту на белку и соболя с ружьем или луком и зимний лов белки, соболя, горностая, лисицы, росوماхи, выдры с помощью разнообразных орудий: черканов, сетей, самострелов, капканов, слопцов. В отличие от хозяйств лесотундровой зоны, у северо-таежных преобладали приемы активной охоты.

Названия осенних и зимних месяцев обдорско-куноватских ханты характеризуют состояние природы: ай таха потты тылыщ — «месяц замерзания малых рек» (октябрь), Ас потты тылыщ — «месяц застывания Оби» (ноябрь), декабрь — ван хатл тылыщ — «коротких дней месяц», январь — лахэт морэт тылыщ — «топорище ломающий (холодный) месяц», февраль — роупэн курык тылыщ — «обманного орла месяц». В январе, именуемом еще и ваш поры тылыщ — «месяц приношений городу», северные ханты совершали поездки в Обдорск для положения ясака и на ярмарку.

Для северо-таежного хантыйского населения Нижнего Приобья было характерно сочетание стационарного и отгонного типов оленеводства, при небольшом поголовье оленей. К примеру, на Куновате приходилось только 7 оленей на хозяина, хотя безоленных остяков не было. По данным И. Юданова, на Сыне на одно хозяйство приходилось в среднем 40,2 оленя. Только 4 хозяйства круглый год занимались выпасом поголовья (то есть были пастухами-кочевниками), остальные на полгода (с апреля по октябрь) отдавали свои стада на выпас пастухам. Семья, владевшая 150 оленями, считалась богатой. Местами выпаса служили отроги Северного Урала, лишь незначительная часть малооленных хозяйств практиковала в летнее время содержание поголовья «у юрт, устраивая для оленей укрытие с дымокурами». Ханты правых обских притоков — Куновата, Питляра, Собтыегана — имели небольшие стада оленей. Их на летний период отправляли с пастухами на Урал или выпасали в окрестных лесах. Куноватские ханты перегоняли объединенное стадо на Пос-Полуй, где его окарауливали с применением оленных сараев, навесов и дымокуров. Кочевание из речных долин в горные тундры Урала способствовало укреплению связей между правобережными и левобережными ханты. При этом контакты между тундровыми оленеводами (ненцами и ханты) и североуральскими пастухами (ханты) были эпизодическими. Зимой, когда тундровые оленеводческие хозяйства достигали границы леса, северотаежные хантыйские группы уже углублялись в отдаленные области своих промысловых угодий.

У ханты, живших в устье Оби и на побережье Обской губы, сочетались тундровый крупностадный и лесотундровый типы оленеводства. Содержание крупного стада (200 и более голов оленей) предполагало значительные сезонные перемещения (до 1000 км), периодическую смену пастбищ и круглогодичное окарауливание стад с использованием оленных упряжек и собаколенегонок. Ханты-оленоводы обычно проводили зиму у границы северной тайги, а лето на Полярном Урале, Ямале и Гыдане. Хантыйские хозяйства лесотундровой зоны, владевшие личными стадами, до 100 голов, нередко передавал и оленей на летний сезон тундровым оленеводам или пастухам. У ханты южной части Обдорского края преобладали широтные миграции, связывавшие левый и правый берега Нижней Оби. А у северной группы ханты (хаби) доминировали меридианальные (и лишь отчасти широтные), связывавшие северную тайгу с тундрой.

Приобщение северных ханты к оленеводству самодийского типа повлекло за собой восприятие основных элементов ненецкой оленеводческой культуры: ездовых и грузовых нарт, упряжи, передвижного жилища (чума), мужской одежды, обуви. В традиционном календаре ханты-оленоводов широко распространены названия месяцев, содержащие оленеводческие характеристики:

хор тылыщ — «месяц гона» (сентябрь), вой опыт лавытты тылыщ — «олени рога теряют» (ноябрь), ванхат тылыщ — «месяц поимки оленей», выли ерды тылыщ — «месяц пересчета оленей» (январь).

Угорское летоисчисление ведется по полугодиям «от прилета до отлета птиц». Начало летнего года знаменовалось возвращением ворон: апрель именовали вурна тылыщ — «месяц вороны». На седьмой день месяца (7 апреля) устраивали жертвоприношение — из священных лабазов и нарт доставали духов (лонх), которых угощали кровью и жиром, обряжали в новые одежды. Праздник посвящался Торум Эви — «Небесной Матери», имеющей облик Вороны. В преданиях Ворона выступает как вестник обновленной жизни: ежегодно после долгой зимы она прилетает к людям «с мешком калачей», требуя взамен лишь горсть гнилушек из детских люлек, где она могла бы согреть свои лапки. Поэтому во время проведения Бурны хатль (Вороний день) на деревья (березы) и нарты развешивали предназначенные для детей свежее испеченные калачи (символ солнца). В начале зимнего года (ноябрь еще называли ямы хатль тылыщ — «священного дня месяц») ханты устраивали «большие» жертвоприношения главным духам Торумики (Небу), Калтащ ими (Земле) и Хыньики (Подземелью).

ЖИЛИЩЕ ХАНТЫ

На первоначальных этапах своей истории ханты, как и многие до них, строили землянки различного типа. Преобладали среди них землянки с каркасом из бревен или досок. Из них появились в последующем срубные жилища — дома в традиционном понимании слова для цивилизованных стран. Хотя, по мировоззрению ханты, дом — это все, что окружает человека в жизни... Избы ханты рубили из леса, стыки бревен конопатили мхом, другими материалами. Собственно технология строительства рубленого дома мало изменилась за прошедшие годы. В настоящее время рубленые дома ставит хантыйское, ненецкое и коми-зырянское население в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого округа.

На местах охотничьего, рыболовного промысла ханты строили амбарчики-лабазы для хранения инвентаря, сетей, нарт, зимней одежды, шкур, запасов провианта. Амбарчики ставили на высоких опорах, чтобы в хранилище не проникли грызуны или любители чужих запасов — медведь, росомаха. Впрочем, амбарчики ставили и на обычных поселениях рядом с иными хозяйственными постройками. Поселения могли состоять из одного дома, из нескольких домов и крепостей-городков. Объем селений в большей степени определялся космогоническими воззрениями народа, чем социальными потребностями. Практиковавшаяся в недалеком прошлом политика «укрупнения» населенных пунктов сегодня уходит в прошлое, и обдорские ханты начинают ставить дома в тайге, на берегах рек, как и встарь.

Соседствуя на протяжении веков с ненцами, ханты заимствовали у последних и максимально приспособленный для кочевья чум — переносное жилище кочевников-оленоводов. В основе своей хантыйский чум подобен ненецкому, отличаясь от него лишь в деталях. В чуме нередко живут две-три семьи, и, естественно, жизнь регулируется морально-этическими нормами народа, выработанными за века, правилами внутриродового поведения, эстетикой быта и бытия. Чум еще не так давно покрывали листьями бересты, шкурами оленя, брезентом. В настоящее время он преимущественно покрывается сшитыми шкурами оленя и брезентом.

ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ, ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ХАНТЫ

У обдорско-куноватских ханты довольно стойко сохраняются традиционные верования, обычаи и обряды. По представлениям ханты, верховным божеством является Торум ики или Нум Торум («Неба старик»). Он почитается как создатель земли и дневного света, блюститель миропорядка.

На верхнем (седьмом) небе выстроен его священный дом «с серебряным дымоходом и золотым дымоходом». Обдорско-куноватские ханты во время жертвоприношений приносят ему в дар белых оленей, белые ткани, белый металл. Подземным (Нижним) миром управляет антипод Торума — Хынь ики («Подземный старик»). В его царство, расположенное в низовьях Оби, после смерти попадают души умерших людей.

Ему преподносят черных (темных) оленей и ткани. Прародительницей всего живого на земле являлась жена верховного бога — Калтащ ими. До создания мира ее жилищем служил город, укрепленный на семи цепях между небом и землей. Из-за ссоры с мужем она была сброшена на землю и поселилась в юртах Калтасянских. Одно из ее святилищ находилось близ Лабытнанги. Землею управляет младший (седьмой) сын Торума и Калтащ, Мирсустьхум — «За миром

наблюдающий человек». По велению своего отца Мирсуснехум властвует над людьми, выступает посредником между человеком и богом, считается подателем шаманского дара. В верованиях и обрядах он рисуется как всадник на белом семикрылом коне, ежедневно объезжающий мир. Когда он опускается на землю, под ноги коню ставятся четыре серебряные тарелочки. Главное его святилище находилось вблизи устья Иртыша, в селе Белогорье, где впоследствии был построен Троицко-Белогорский погост. Там хранилось антропоморфное изображение духа, сделанное из дерева, а рядом с ним — отлитый из железа гусь (зооморфный облик). Обдорско-куноватские ханты называют его Урт ики (Ортик) и считают вездесущего «крутящего землю» богатыря самым главным божеством в низовьях Оби. По рассказам, в старину во время «больших жертвоприношений» обдорско-куноватские ханты забивали для него «семь по семь» (49) оленей.

Божественная триада: Урт ики, Калтащ ими и Хынь ики была представлена в каждом хантыйском доме (чуме). Связки рыжих лисьих шкур и красных тканей, семиклинная островерхая шапочка из сукна, жертвенное покрывало с изображением всадника, шелковые халаты — атрибуты Урт ики — хранились на чердаке или в муль таха — священном (переднем) углу дома. Девушка, выходя замуж, непременно брала из родительского дома рыжую лисицу из прикладов Урта, чтобы принести ее в священный угол дома мужа. По представлениям обдорско-куноватских ханты, шкура лисицы должна быть заткнута за пояс покойного, чтобы он при входе в царство мертвых преподнес ее Урту. В муль таха находились и изображение Калтащ ими — свернутые в виде «куклы» отрезки тканей и платки или просто яркий (красный) платок с пришитыми в углах колокольчиками. Порог дома от болезней и несчастий охранял Курыльпи ики («Под ногами старик») — антропоморфная фигурка из надетых друг на друга семи черных халатиков.

Особым почтением у обдорско-куноватских ханты пользовались родовые духи. Многие из них одновременно почитались и как хозяева рек, озер, урочищ. Кроме уже упомянутых куноватских братьев Аось, войкарской Пай ими, следует назвать «хозяина» реки Сыня — Кейвур ху акем ики («Каменный ненец-дядька-старика»). По легенде, Кейв ур ху акем ики появился из хвостика оленухи, когда маленькая девочка укачивала его в детской колыбели. С тех пор он почитается как покровитель оленьих стад и оленеводов.

Через каждые два года священные нарты Кейв ур хуакем ики отправляются на Урал, а затем возвращаются обратно на Сыню. В низовьях Оби находились святилища родовых духов: Мукута чи («Без крыши»), Хор вой пела ики («Олень-зверь мыса старик»), Сое ики («Горностай-старик») и его сестры Хотан ими («Женщина-лебедь»), некогда украденной Хынь ики, но отвоеванной братом. У северной группы обдорско-куноватских ханты наблюдается ряд существенных отличий от общеугорских культово-ритуальных традиций. Например, в «классическом» угорском варианте, предполагающем проведение медвежьего праздника, культ медведя представлен в Нижнем Приобье только у сынских и куноватских ханты. Они, по словам их северных соплеменников, до сих пор «сильно медведя пляшут». Здесь же распространены фольклорные сюжеты, рисующие медведя в различных ипостасях: как человека-оборотня, как брачного партнера женщины Мось, как блюстителя священной клятвы.

В пантеон тегинских ханты, наряду с главными духами — Кейв урху ики, Куноват ики и Тег ики, входят медведи — духи священных городков Аи Ем-вош ики и Вын ем вош ики.

Несколько иное отношение к медведю отмечается к северу от Куновата и Сыни. Обдорские ханты считают медведя священным зверем, шкура убитого медведя хранится в священных нартах. Вместе со шкурой, снятой с морды медведя, домашние духи составляют ваш — «городок». Обдорские ханты добывают зверя в редких случаях. По свидетельству полуйских и вылпослинских ханты, роды Пуль ёх и Выл-поел ёх не только не добывали медведя, но и боялись его. Сравнивая себя с куноватскими ханты, которые специально организовывали охоту на медведя («приглашали младшего брата погостить»), обдорские ханты утверждают, что они, как и самоеды, старались не встречаться с медведем и «убивали его только в том случае, когда он сам об этом просил» — приближался к селению. Подобное отношение к медведю свойственно ненцам, считающим охоту на бурого медведя уделом хаби. Сами ненцы не только избегают участия в охоте на медведя, но и приходят в замешательство при виде священной шкуры в углу хантыйского дома. Войкарские ханты свидетельствуют, что «когда медведя убивают, то обязательно празднуют». Однако праздник отличался от распространенных в более южных районах «настоящих» медвежьих игрищ. Шкуру убитого медведя не вносили в дом, полагалось вносить только жир. Вареное медвежье мясо ели у священных нарт, где мужчины и женщины сидели по разные стороны нарт. Их левая половина

считалась женской, правая — мужской. Шкуру и лапы медведя укладывали в священные нарты, голову (сваренную отдельно) уносили в лес, а кости закапывали в землю, чтобы до них не смогли дотронуться собаки. Войкарский «праздник» в честь убитого медведя более напоминает ненецкий ритуал, чем известные угорские «медвежьи игрища». Широко среди ханты и ненцев Нижней Оби был распространен ритуал клятвы на лапе, морде, когте или зубе медведя. Русская администрация признавала этот обычай, считая, что клятва на медвежьей шкуре не может быть нарушена остяком. Для присяги Государю Императору перед старшинами клали топор, шкуру медведя, потом давали каждому с ножа кусок хлеба, при этом старшины произносили: «Если я моему государю до конца жизни моей верен не буду, своевольно отпаду, должного ясака не заплачу, и из земли моей уйду, или другие неверности окажу: то чтоб медведь меня изорвал».

У обдорско-куноватских ханты выявляются и две тенденции по отношению к собаке: одна предполагает жертвоприношение (в соответствии с самодийской традицией), другая запрещает умерщвление собаки и возводит ее до уровня духа-покровителя (в соответствии с угорской традицией). Питлорский сор издавна считался «особым местом у остяков для приношения жертвы после нечаянного или преднамеренного убийства собаки». Хозяйкой сора и покровительницей рода Питлор ёх являлась Амп ими («Женщина-собака») или, как ее называли в обрядности, Ханза оры, Олян оры — «Пятнистая воющая, Красивая воющая». Участок левого берега Питлорского сора, где находилось капище Амп ими, как и остров напротив, считался священным. Сюда, в случае убийства собаки, принято было привозить изображения собак (Амп хор), отлитые из свинца. В питлорском обряде выражен широко распространенный в угорской традиции запрет умерщвления собаки. Культ собаки питлорских ханты тяготеет в значительной степени к Тегам, где хранится главный угорский Собачий дух — Тек ики.

В противоположность центрам «запретной» собаки, на Малой Оби и в устье Оби прежде были широко распространены жертвоприношения собак.

У родов войкарских ханты {Аи ваш ёх, Послан ёх и Нёрапса ё'х} проводилось жертвоприношение девушки - собаки в качестве выкупа духу Курык ики (Орлустарику). В ходе обряда молодую собаку наряжали как девушку. А затем, посадив на лодку и совершив семь кругов «по солнцу», топили в священном озере. Обряд совершается раз в семь лет в знак примирения родов и духов. По легендам, Пай ими отказала сватавшемуся к ней Курык ики, вместо нее отдана была Орлу-старика девушка-собака и озеро Холон лор в качестве приданого. Среди войкарских ханты в прошлом отмечалось и ношение панд (нижняя оторочка малицы или саха) из собачьих шкур. Вероятно, изначальная самодийская традиция жертвоприношения собаки, сохранившаяся у некоторых родов северной группы обдорско-куноватских ханты с усилением притока на Нижнюю Обь угров с южных и западных территорий, постепенно была вытеснена противостоящей «запретной» традицией.

Подобные ареальные различия можно проследить и в других культово-ритуальных традициях обдорско-куноватских ханты. Так, одной из особенностей духовной культуры хаби считается изготовление куклы по умершему — шонгот. Ханты более южных районов (Сыни, Куновата, Войкара) называют куклу по умершему иттарма, отличая ее от шонгот.

По внешнему облику различие между иттарма (кукла высотой 15—20 см, вырезанная из отщепы от угла дома или доски гроба, «лицо» или «сердце» которой обозначены монетой) и шонгот (кукла высотой 30—50 см, сплетенная из прутьев тальника, обернутых берестой, с «лицом» монетой) невелико. Шонгот, как и иттарма, изготавливается женщинами (не родственницами умершего) сразу после похорон или на 4—5е сутки после смерти и является ритуальным продолжением жизни до момента реинкарнации души предка в новом поколении. Однако, в отличие от иттарма, шонгот по истечении 4—5 лет (по числу женских и мужских душ) хоронят на особом родовом кладбище (шонгот хааасъ] в небольших срубных домиках (шонгот коот). Иттарма по прохождении положенного срока (в одном варианте 4—5 лет, в других — 3 года или «столько времени, сколько жил покойный») уносят на кладбище и оставляют в могиле покойного или продолжают хранить в доме на священной полке (мултаха), на чердаке дома или в священной нарте, но отдельно от лонхов. Ритуал изготовления шонгот считается важным этно-дифференцирующим признаком, отличающим северную группу обдорско-куноватских ханты (заимствовавших многие черты ненецкой культуры) от ненцев. Для них обычен обряд нытарма — изготовление посмертного изображения шаманов и заслуживших особого почета стариков.

Общность обдорско-куноватских ханты, сложившаяся в результате продвижения угорских групп в земли таежных самодийцев, во многих отношениях представляет собой этническое новообразование, в культурном облике которого выражен синтез угорских и самодийских черт. Соотношение этих черт варьирует в зависимости от их распределения среди сфер культуры: в языковом отношении северные ханты, безусловно, относятся к угорской группе, в хозяйственной деятельности они сочетают как ненецкие (преимущественно в оленеводстве), так и угорские (в промыслах) черты, в системе брачной регламентации и культовой практике прослеживаются самодийские и угорские традиции.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЗАНЯТИЯ СЕЛЬКУПОВ: ОХОТА, РЫБОЛОВСТВО, ОЛЕНЕВОДСТВО

Основными традиционными занятиями селькупов были охота и рыболовство. С конца XVIII века у северных селькупов получило развитие оленеводство, заимствованное у ненцев и эвенков.

Охота всегда имела большое значение в хозяйственной деятельности селькупов. Развитие в XII-XVI веках западносибирской торговли привело к переориентации селькупского хозяйства на пушной промысел. Нарымское Приобье, как и Тазовские тундры, издавна сливались с изобилием «драгоценного» пушного зверя: соболя, отличавшегося «особенною добротою меха, пушистого и черного», горностая, что «нигде такие добрые и великие не рождаются», белки «белоснежного цвета и вдвое больше обыкновенной». В XVII веке за зимний промысловый сезон удачливый охотник добывал до 200 соболей и 2000 белок. Главным орудием пушного промысла селькупов был лук со стрелами. Огнестрельное оружие появилось у них только во второй половине XIX века. Селькупский сложный (трехслойный лук) и селькупские лайки («беличьи», «соболиные» и «медвежьи») славились своими добрыми качествами у соседних народов — немцев, ханты, эвенков. Для охоты на пушного зверя использовались стрелы с тупым деревянным или костяным наконечником (томар), оглушавшие зверьку, но не портившие его шкурки. Податной оклад с приобских туземцев собирался не с души, а «с лука».

Пушной бум, продолжавшийся до конца XVIII века, привел к истощению пушных богатств Западной Сибири. С сокращением популяции соболя основным объектом охоты селькупов становится белка, определенное значение имела добыча лисицы, выдры, горностая, россомахи; в тазовской тундре — песца. Селькупам было присуще сочетание активных и пассивных приемов охоты. Ранний отстрел белки и соболя при помощи лука и ли ружья с использованием специально обученных собак начинался в октябре (тяпяччыл ирэт — «месяц белкования») в близлежащих угодьях. В течение ноября-декабря (кипты кони ирэт — «малых морозов месяц», нобит кокали ирэт — «месяц, когда солнце поднимается над землей на рукавицу», то есть дни становятся короткими) промысел пушного зверя осуществлялся при помощи разнообразных самострелов, давящих ловушек (пастей, кляпцов, плашек, капканов) сетей. В конце декабря — начале января селькупы отправлялись на ярмарку. В январе (кот чонтыль ирэт — «середина зимы месяц» или маркэ кони ирэт — «большой морозный месяц»), феврале (чейлы тыпакал ирэт — «месяц удлиняющихся дней») и марте (лимбы ирэт — «орла месяц») путная охота продолжалась. Обычно охотники, имевшие оленей, уезжали в дальние угодья «большим аргишем» — вместе с семьями. Безоленные уходили на промысел, везя продукты питания и боеприпасы на ручной нарте, и которую впрягали собак. В XVIII — начале XX века доходностью пушнодобычи во многом зависела от наличия транспортных оленей, позволявших осваивать большие промысловые площади и осуществлять ходовой промысел белки и другого пушного зверя.

Тазовские селькупы охотились на дикого оленя, медведя, водоплавающую птицу и боровую дичь. Водораздел Надыма, Пура и Таза являлся местом скопления таежного оленя. Добывали дикого оленя зимой и весной загонем по глубокому снегу и насту группой из 3—5 охотников. Прилет птиц знаменовал начало летнего года: май у селькупов назывался то: кал'иратэ — «гусиным месяцем» или шита тюпса ирэт — «месяц прилета уток». В мае—июне водоплавающую птицу промыслили отстрелом из луков, ружий или используя сети-перевесы. Во второй половине лета проводилась общинная охота на линную птицу загонем. В сентябре, именуемом сангай ирэт — «месяц глухаря», осуществлялась охота на боровую дичь: глухаре и, тетеревах, рябчиков.

Весной со вскрытием рек начинался промысел рыбы. В летний период (ненапыль ирэт — «комариный месяц» (июнь), тангыт чонтыль ирэт — «средины лета месяц», или ютты котты ирэт — «ранних уловов месяц» (июль), маркэ коттэ ирэт — «месяц больших уловов» (август) рыболовство осуществлялось посредством сетей (поккы) и малых неводов (в том числе крапивных), запорных

сооружении (кинчи), крючково-остроговых снастей. Во время «большого летнего лова» загоняли рыбу впрок; солили, квасили с ягодами в ямах, готовили юколу, порсу, рыбий жир. Достаточно продуктивным был и осенний промысел рыбы. Нередко селькупы называли сентябрь по наименованию значимых проходных рыб: квыгр ирэт — «осетра месяц», шид ирэт — «сырка месяц», мендыль ирэт — «чира месяц». С первыми заморозками тазовские селькупы ловили щуку и на-лима, используя остроги (кэли кос) и деревянные крючки-дорожки (лум'а). В старину крупную рыбу добывали отстреливая из лука. На связанных в пары лодках ночью выезжали на реку, освещая воду светом берестяных факелов, рыба поднималась к нему, а ловцы били со острогой или стрелой. После ледостава и до весны облавливали зимние запоры, оснащенные котцами (морытын), мордами и гимгами. Продукция рыболовства не имела особого токарного значения: тазовские селькупы добывали рыбу «для своего семейства и для корму собак», ею подкармливали оленей.

Селькупское оленеводство имело в основном транспортное значение. Его отличительными чертами были, небольшой размер стад — 10—30 голов, полувольный выпас с использованием загонов-коралей, применение ножных и шейных колодок (мокта) для оленей весной, сооружение сараев с дымокурами (отый-мо) летом, высокий удельный вес ездовых оленей в стаде. На летний период несколько семей объединяли оленей в одно стадо, препоручая его 2—3 пастухам. С развитием оленеводства у северных селькупов в традиционном календаре появляются названия месяцев, содержащие оленеводческие характеристики: отеомте ирэт — «месяц чистки оленьими рогов», корыль ирэт — «месяц гона оленей». В качестве транспорта наряду с оленями северные селькупы использовали собак. Немаловажное значение у селькупов имел сбор ягод: морошки, брусники и кедровых орехов. Продукция промыслов составляла основу пищевого рациона, служила сырьем для изготовления зимней меховой одежды: паргы — распашной короткой шубы из оленьих шкур, соккы — глухой меховой одежды с капюшоном, шапок укы — в виде капоров из шкурки пешки, песцовых и беличьих лапок или шкурок с шеи гагары, обуви пеема — из камусов и сукна или ровдуги. Пушнина играла роль торгового эквивалента и средства уплаты податей. В XIX веке основной меновой единицей была связка из 10 беличьих шкурок «сарум»: росомаха и красная лисица приравнялись к одной беличьей связке, песец и соболь — к трем. Во внутреннем обмене товарами служили рыба, олени, луки со стрелами, лодки. В торговле с русскими на пушнину, рыбу, ягоды, орехи приобретались металлические предметы, оружие, ткань, пищевые продукты. Среди селькупов выделялись коумде — «торговцы» и лэпырсыбылькуп — «бойкие люди», то есть скупщики, занимавшиеся посреднической торговлей.

СЕЛЬКУПСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Селькупские поселения, обычно состоявшие из 2—10 жилищ, располагались на высоких берегах рек. Традиционными жилищами северных селькупов являлись полуземлянка — пой мот, локоро пой мот, локоро чуй мот и чум — мот — ненецкого типа. Полуземлянка пой мот представляла собой деревянный каркас в виде усеченной пирамиды, сооруженный над четырехугольной ямой (4х4, глубиной до 0,5 м). Сверху она закрывалась расколотыми вдоль лиственничными бревнами. В отличие от пой мот, полуземлянка локоро пой мот имела форму усеченного конуса диаметром 3—4 м. Каркас — две плахи, соединенные переключиной, стены — составленные по окружности плахи. Локоро чуй мот имел вид конуса, жилищная яма диаметром 3—4 м, глубиной 20 см, каркас — две жерди с рогатинами на верхних концах, стены — длинные шесты. Сверху полуземлянки покрывались настилом из полотнищ дерна или бересты и присыпались песком.

В каждой такой землянке проживали 2—3 семьи. Вход жилища был ориентирован к реке или на восток — в сторону солнца. В центре располагался очаг, огороженный с трех сторон бревнами и досками. По обе стороны от него располагались спальные места. Ближе к выходу размещались женщины, здесь же хранились их вещи, дрова, посуда. Дальние от выхода места занимали дети и мужчины. Пространство за очагом, что напротив входа, — сытке, считалось сакральным. Обычно на поселении находились разнообразные хозяйственные постройки: лабазы для хранения вещей (корэ), навесы для хранения нарт, лыж, орудий труда, хозяйственной утвари (карли поры), конический деревянный сарай для хранения продуктов (пой кут).

Чум северных селькупов был заимствован у ненцев, однако имел некоторые отличительные особенности. Основные шесты чума связывались веревкой или крепились с помощью имевшихся на концах развилок. В средней части чума, с внутренней стороны, нередко шел деревянный обруч, соединявший шесты между собой (эвенкийское заимствование). Зимой для покрытия чума использовались нюки из оленьих шкур, а летом — из бересты. На местах промыслов сооружались

временные постройки шалаши из тальника полусферической формы, покрытые берестой, — кумар, или навесы из жердей в виде получума, покрытые берестой или лапником, — кора.

Средством передвижения северных селькупов служили упряжка оленей, лыжи, подклеенные оленьим камусом, и голицы, различных размеров лодки-долбленки.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА СЕЛЬКУПОВ

В легенде северных селькупов (сходное предание существует и у ваховских ханты) рассказывается о ссоре двух богатырей (или двух половин народа) при дележе орлиных перьев. Одна часть народа — Лимбыль пелаккыль тамдыр («Орла половинный род») не пожелала поделиться с другой перьями орла, использовавшимися для изготовления боевых стрел. Вследствие чего обиженная сторона — Коссыл пелаккыль тамдыр («Кедровки половинный род») отправилась искать орлиные перья на север. А. Кастрен отмечал, что Limbel-gum (Орлиными людьми) стали именоваться, после ухода на Таз, жившие на Вахе Karol-gum (Журавлиные люди). По мнению Г. Прокофьева и Е. Прокофьевой, северным селькупам была присуща дуально-фратриальная организация, то есть деление на две экзогамные половины: Орла и Кедровки.

В другом селькупском предании сообщается о трех героях, сражавшихся с народом кэлек тамтыр и давших начало родам Орла, Кедровки и Глухаря. Спасаясь от врагов, они решают превратиться в птиц.

«Давайте мы лететь будем, — сказал лымбель-куп (орлиный человек) Сайготин, — я полечу орлом, а вы как? Вот-вот придет войско, в кругу уже [мы], окружены, а вы как?» Хозель-куп (кедровки человек) Кагилев говорит: «Я кедрушкой буду». Сэнгиль-куп (глухари-ный человек) Тетерин: «Я глухарем [буду] лететь»... До утра сидели, крылья делали. Утром один кедрушкой улетел, другой — орлом, а сэнгиль-куп — глухарем».

Селькупские роды — тамдер различались не только названиями и территорией расселения, но имели отдельные родовые святилища и кладбища. По мнению Г. Пелих, у селькупов при заключении браков действовали нормы кольцевой связи. Родовой организации селькупов свойствен счет родства и экзогамные установки по отцовской линии.

В представлениях селькупов, мирозданием управляли верховный бог неба Ном, хозяин преисподней Кызы и покровительница земной жизни Илынта Кота — «Старуха Жизни». Боги Ном и Кызы постоянно враждовали друг с другом. Селькупы считают, что во время грозы Ном поражает стрелами-молниями — нут тую — «небесный огонь» выходящих через корни и дупла старых деревьев дьяволов-помощников Кызы — лозов. Враждебные человеку лозы могли «как ветер» проникать в человеческое тело и «как червь» точить какой-либо орган вызывая болезнь. Старики во время грозы затесывали комель растущего дерева, имитируя «убийство лоза», прятали металлические и окрашенные в красный цвет предметы, около жилища вывешивали деревянную ложку или ковш, чтобы «уменьшить силу грома». В селькупских фольклорных сюжетах главным культурным героем выступал Ича (Ия, Итте) — сын Неба (младший сын Творца-Нума). Он предстает божественным охотником, мчащимся в погоню за Небесным Лосем, он смел и осторожен, беспощаден и хитер в борьбе с демонами и богатыми оленеводами. Для северных селькупов в борьбе за выживание на новых землях «хитрый и беспощадный» Ича стал духовным наставником и образцом для подражания.

Окружающая природа по представлениям селькупов населена духами которые также именуются лозами. Лесные духи (Мачиль лозы) могли послать человеку удачу и обильную добычу, приняв облик зверя или птицы, могли заставить охотника плутать в лесу. В устьях крупных рек, в озерах и топких болотах обитали водяные духи — Уткыль лозы, для них опускали в воду металлические предметы (монеты) На промысловых местах на стволах деревьев вырезались антропоморфные изображения духов (личины) — порге олицетворявшие «хозяина» угодий. «Вотчинников» угощали кровью и жиром, в дар приносили «товар» (отрезы тканей).

Особо почитаемыми у северных селькупов были святилища, расположенные на возвышенных местах, — Лозыль тэтты — «Земля духов». Одно из главных капищ тазовских селькупов — Лозыль-лакка — Гора Духов находится на Чертовом озере. По легенде, здесь некогда жили полулюди-полумедведи. По вечерам на Горе Духов слышны гул бубна, пение, звон колокольчиков, плач детей, лай собак — это шумят многочисленные хозяева сопки — Тэтты Лозы. Обитающие внутри сопки духи через маленькое оконце, озерцо на вершине сопки, видят землю и все, что на ней происходит. Священной считалась не только гора, но и озеро, где запрещалось промышлять зверя и рыбу, черпать воду рукой или ведром. Посещавшие святилище селькупы приносили в дар хозяевам Горы Духов

лоскуты тканей и новую одежду: мужчины поднимались на вершину горы, а женщины оставались у подножия. Белая ткань, предназначенная для Нома, повязывалась на березу, черная, для Тэтты Имиля — «Старухи Земли», — на кедр. Подобные святилища, расположенные на горах-сопках, где, по представлениям селькупов, обитают Земли духи, есть в верховьях реки Таз, на реке Пюлькы, в устье Малой Ширты.

Особую роль у северных селькупов играли шаманы — тэтыпы, выступавшие как врачеватели, предсказатели, военные вожди и духовные судьи. По представлению селькупов, шаманский дар передавался по наследству от деда, отца или матери. У жилищ шаманов устраивались особые «храмы» — коссиль по — «жертвенные деревья». У селькупов существовал своеобразный обряд «оживления» шаманского бубна. Церемония приурочивалась к прилету птиц. Используя бубен, шаман мог путешествовать по Вселенной: во время камлания бубен превращался в оленя, несущего хозяина на Небо, или в лодку, отправляющуюся в Преисподнюю. Во время церемонии оживления бубна шаману предстояло отправиться на юг, в страну, «где светят семь солнц, где камень до неба достаёт». Там в обнесённом стальным забором-неводом «железном доме» жила Илынты кота имшгя — «Жизненная старуха». По ее указанию кузнецы «семиямного болота» изготавливали короны-венцы, бляхи-нашивки для шаманских костюмов, металлические части бубнов. Рядом с жилищем Илынты кота имиля находится небесная лестница, по которой шаманы могли подняться к Верхним духам. Удачное путешествие шамана заканчивалось общим праздником и угощением родовых духов.

Консультация для педагогов и родителей «Народное искусство в воспитании детей»

Развитие гармоничной самодостаточной творческой личности сложно представить без участия искусства. При этом роль декоративно-прикладного народного творчества переоценить невозможно. Оно не только оказывает благотворное влияние на личность ребенка, раскрывает его творческий потенциал, развивает его интеллект, но и рассказывает об истории народа и его традициях.

Народное искусство зародилось и развивалось в давние времена. Но, развиваясь, оно все же оставалось довольно консервативным. Узоры могли меняться, но основные их элементы и сюжеты, форма глиняной игрушки, посуды, фасон традиционной одежды повторялись из века в век, из поколения в поколение. Благодаря народному искусству, быт, обряды и традиции наших предков сохранились и дошли до нас через века, несмотря на исторические потрясения.

В былые времена, когда фабрик и, соответственно, заводских изделий еще не было, все предметы быта были самодельными — от чашки и ложки до одежды, обуви, игрушек, инструментов. Еще в недалеком прошлом народное искусство и ремесла служили способом хоть немного разнообразить и украсить тяжелый и небогатый крестьянский быт, скоротать долгие зимние вечера за интересным делом. Народное искусство служило носителем информации, сохраняло знания о былом, являлось отражением народной мудрости и воплощением красоты.

В современном мире народное искусство потеряло свое прикладное значение. Свободный доступ к любой информации, широкое распространение и дешевизна предметов быта, фабричной одежды, обуви, бытовой техники и прочих необходимых для современного человека вещей практически уничтожили традиционные ремесла. Однако носители народного искусства, народные мастера, работают и поныне, но их произведения в современном мире больше не выполняют исконных функций, превратившись в «сувенирную продукцию». Но все не так грустно. Народное искусство не ушло из нашей жизни и не уйдет еще долго — оно нашло свою нишу в педагогике.

Роль народного искусства и традиционных народных промыслов в воспитании детей огромна. Именно традиционные ремесла, к которым приобщается подрастающее поколение, рассказывают о жизни наших предков, об их нравах и обычаях, не дают народу забыть свою историю. Актуальная задача патриотического воспитания во многом реализуется через приобщение дошколят и школьников к традиционному искусству.

Как и другие направления изобразительного искусства, народное творчество учит ребенка видеть мир во всей его полноте и красоте, любить свой край и беречь родную природу, прививает нравственные ориентиры. Вместе с тем ребенок овладевает такими понятиями, как форма, размер и цвет, а также специфическими художественными навыками. Приобщение к народному искусству на всю жизнь оставляет отпечаток прекрасного в душе человека, учит видеть красоту в окружающих предметах и явлениях.

Декоративно-прикладное народное творчество возникло и развивалось одновременно с появлением и развитием материального производства. Чтобы украсить свой быт, привнести праздничное настроение в суровые будни, люди украшали предметы повседневного обихода. Материалом и объектом для творчества могло служить что угодно: посуда и разнообразная утварь, предметы мебели и одежда становились произведениями искусства.

В России существует огромное разнообразие народных промыслов, причем в каждой области существуют и передаются из поколения в поколение свои традиции изобразительного искусства и прикладных ремесел. Роспись по дереву и глине, плетение из коры, бересты, бисера, а также кружево, вышивка, традиционная игрушка – это лишь неполный перечень русских народных ремесел, которые можно взять на вооружение педагогу.

Народное искусство является воплощенным представлением народа о красоте и добре, о богатстве родной земли. Отличительной особенностью декоративно-прикладного народного творчества является яркость красок, контрастность рисунка, пристрастие к растительным, животным или геометрическим орнаментам. Традиционно народные мастера происходили из крестьянской среды и были тесно связаны с природой. Обработывая землю и добывая дары леса, наши предки были чрезвычайно наблюдательны, и все свои наблюдения за животными, растениями и неживой природой воплощали в своих произведениях.

Занятие традиционными промыслами развивает у детей наблюдательность, образное и пространственное мышление, способствует формированию эстетического восприятия, развивает навыки рисования, лепки, вырезания, плетения. Поскольку большинство народных ремесел предполагают кропотливый труд, изготовление традиционных предметов способствует развитию мелкой моторики, а следовательно, и когнитивных способностей.

Благодаря народному искусству, у детей улучшается память и мыслительная деятельность, развивается усидчивость, тренируется внимание. В результате занятия народными ремеслами способствует общему повышению успеваемости в школе и помогает достигнуть успеха во взрослой жизни.

Осваивая традиционные промыслы, дети в первую очередь научаются самовыражению. Они ведут диалог с миром, рассказывая в творчестве о своих впечатлениях и переживаниях. В развитии личности это играет огромную роль, обучая человека правильному общению с окружающим миром, направляя его психическую энергию в созидательное русло. Помимо психологического аспекта, народные промыслы обучают многим чисто прикладным навыкам.

Дети учатся работать с деревом, глиной, тканью, красками. Народное искусство помогает овладеть разными техниками шитья и вышивки, росписи, лепки, плетения, резьбы по дереву и так далее. Кроме того, дети узнают о свойствах различных материалов и правилах работы с ними, о методах заготовки, хранения и обработки природного материала (который является основой для народных ремесел). Кроме того, юные мастера знакомятся с изобразительными традициями различных регионов.

КОНСУЛЬТАЦИЯ «ПРИБЛИЖЕНИЕ ДЕТЕЙ К КУЛЬТУРЕ СВОЕГО НАРОДА»

ОДНИМ ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ ЯВЛЯЕТСЯ – НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ. ЯНАО – ЭТО КРАЙ, В КОТОРОМ ЖИВУТ И РАБОТАЮТ ЛЮДИ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ. ЛЮДЯМ, ЖИВУЩИМ НА ЯМАЛЕ НЕОБХОДИМО С УВАЖЕНИЕМ ОТНОСИТЬСЯ К КОРЕННЫМ ЖИТЕЛЯМ, ИХ БЫТУ, КУЛЬТУРЕ.

КРАЙ ЗЕМЛИ – ТАК ПЕРЕВОДИТСЯ С НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ СЛОВО «ЯМАЛ». В СТАРИНУ НАЗЫВАЛИ ЭТИ МЕСТА «КРАЕМ КРЕЩЁННОГО СВЕТА». С ДАВНИХ ВРЕМЁН ПОСЕЛИЛИСЬ ЗДЕСЬ НЕНЦЫ, ХАНТЫ, СЕЛЬКУПЫ. НАЗВАНИЯ НАРОДНОСТЕЙ ОЗНАЧАЮТ МЕСТА ИХ ПРОЖИВАНИЯ – БЕЗЛЕСНУЮ ТУНДРУ, ПОБЕРЕЖЬЯ РЕК, ТАЙГУ. НА БЕСКРАЙНИХ ПРОСТОРАХ ТУНДРЫ ПАСУТ ТЫСЯЧНЫЕ СТАДА ОЛЕНЕЙ НЕНЦЫ, ЛОВЯТ ДРАГОЦЕННУЮ РЫБУ – НЕЛЬМУ, ОСЁТРА, МУКСУНА – ХАНТЫ. КОРЕННЫМИ ЖИТЕЛЯМИ ЯВЛЯЮТСЯ НЕНЦЫ, СЕЛЬКУПЫ, ХАНТЫ КОМИ-ЗЫРЯНЕ. В ЛЕСАХ, РАСТУЩИХ БЛИЖЕ К ЮГУ, В ИЗОБИЛИИ ВОДЯТСЯ ПУШНЫЕ ЗВЕРИ, МНОГО ГРИБОВ И ЯГОД. БОГАТ НАШ КРАЙ, В ЕГО НЕДРАХ НЕОЦЕНИМОЕ БОГАТСТВО – НЕФТЬ И ГАЗ, А ГЛАВНАЯ ЦЕННОСТЬ ЗЕМЛИ – ЛЮДИ – ТРУЖЕНИКИ.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ОЧЕНЬ АКТУАЛЬНА ТЕМА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ. ДОШКОЛЬНЫЙ ВОЗРАСТ – ЭТО ВАЖНЕЙШИЙ ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ, БЛАГОПРИЯТНЫЙ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВЫСОКИХ НРАВСТВЕННЫХ ЧУВСТВ И ГРАЖДАНСКИХ КАЧЕСТВ, К КОТОРЫМ ОТНОСИТСЯ ЧУВСТВО ПАТРИОТИЗМА.

ТО, ЧТО МЫ ЗАЛОЖИМ В ДУШУ РЕБЕНКА СЕЙЧАС, ПРОЯВИТСЯ ПОЗДНЕЕ, СТАНЕТ ЕГО И НАШЕЙ ЖИЗНЬЮ. БАЗОВЫМ ЭТАПОМ ФОРМИРОВАНИЯ У ДЕТЕЙ ЛЮБВИ К РОДИНЕ СЛЕДУЕТ СЧИТАТЬ НАКОПЛЕНИЕ ИМИ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА ЖИЗНИ В СВОЕМ ГОРОДЕ И КРАЕ, УСВОЕНИЕ ПРИНЯТЫХ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ, ВЗАИМООТНОШЕНИЙ, ПРИОБЩЕНИЕ К МИРУ КУЛЬТУРЫ. ОЧЕНЬ ВАЖНО ПРИВИВАТЬ ДЕТЯМ ЧУВСТВО ЛЮБВИ И ПРИВЯЗАННОСТИ К ПРИРОДНЫМ И КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТЯМ РОДНОГО КРАЯ, ТАК КАК ИМЕННО НА ЭТОЙ ОСНОВЕ ВОСПИТЫВАЕТСЯ ПАТРИОТИЗМ.

НАШ СОВРЕМЕННИК АКАДЕМИК Д.С. ЛИХАЧЁВ ОТМЕЧАЛ: - «ВОСПИТАНИЕ ЛЮБВИ К РОДНОМУ КРАЮ, К РОДНОЙ КУЛЬТУРЕ, К РОДНОМУ ГОРОДУ, К РОДНОЙ РЕЧИ – ЗАДАЧА ПЕРВОСТЕПЕННОЙ ВАЖНОСТИ, И НЕТ НЕОБХОДИМОСТИ — ЭТО ДОКАЗЫВАТЬ. НО КАК ВОСПИТАТЬ ЭТУ ЛЮБОВЬ? ОНА НАЧИНАЕТСЯ С МАЛОГО – С ЛЮБВИ К СВОЕЙ СЕМЬЕ, К СВОЕМУ ДОМУ. ПОСТОЯННО РАСШИРЯЯСЬ, ЭТА ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ ПЕРЕХОДИТ В ЛЮБОВЬ К СВОЕМУ ГОСУДАРСТВУ, К ЕГО ИСТОРИИ, ЕГО ПРОШЛОМУ И НАСТОЯЩЕМУ, А ЗАТЕМ КО ВСЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ».

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЧУВСТВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА ОБЯЗЫВАЮТ ДОУ РАЗВИВАТЬ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС, ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ, ЕЁ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ. БЕЗ ЗНАНИЯ СВОИХ КОРНЕЙ, ТРАДИЦИЙ СВОЕГО КРАЯ НЕЛЬЗЯ ВОСПИТАТЬ ПОЛНОЦЕННОГО ЧЕЛОВЕКА, ЛЮБЯЩЕГО СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ, ДОМ, ГОРОД, КРАЙ, СТРАНУ, С УВАЖЕНИЕМ ОТНОСЯЩЕГОСЯ К ДРУГИМ НАРОДАМ.

В РЕЗУЛЬТАТЕ РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА, СЕГОДНЯ НА ЗЕМЛЕ ЯМАЛА ЖИВУТ И ТРУДЯТСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ 80 НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ. И ОЧЕНЬ ВАЖНО, ЧТОБЫ ПРИЕЗЖИЕ НОСИТЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ С УВАЖЕНИЕМ ОТНОСИЛИСЬ К ДРЕВНЕЙ УНИКАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ ЭТОЙ ЗЕМЛИ. СЕВЕРНЫЙ НАРОД ЯРКИЙ ПРИМЕР НЕИЗМЕННОЙ ЛЮБВИ К СВОЕЙ ЗЕМЛЕ: «НЕНЕЦ И ТУНДРА – БРАТ И СЕСТРА». НЕНЦЫ И ХАНТЫ БЕРЕГУТ ПРИРОДУ РОДНОГО КРАЯ, ЧТОБЫ СОХРАНИТЬ ЕЁ ДЛЯ ПОСЛЕДУЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ. ОЧЕНЬ РАНО В МИР РЕБЁНКА ВХОДИТ ПРИРОДА РОДНОГО КРАЯ, КОТОРАЯ ВЫСТУПАЕТ В РОЛИ ПЕРВОГО ПЕДАГОГА, ЗНАКОМЯЩЕГО ЕГО С МАЛОЙ РОДНОЙ. НО БЕЗ ПОМОЩИ ВЗРОСЛОГО ДЕТЯМ ТРУДНО ПОНЯТЬ, ЧТО ГОРОД, СЕЛО, ЛЕС, РЕКА, КОТОРЫЕ ОН ВИДИТ КАЖДЫЙ ДЕНЬ – ЭТО И ЕСТЬ РОДИНА. ХОЧЕТСЯ, ЧТОБЫ НАШИ ДЕТИ ПЕРЕНЯЛИ МУДРОСТЬ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, НАУЧИЛИСЬ ТАК ЖЕ ЛЮБИТЬ СВОЙ РОДНОЙ КРАЙ, СВОЮ ЗЕМЛЮ. НЕ МАЛО ВАЖНО ПРИОБЩИТЬ ДЕТЕЙ К КУЛЬТУРЕ, БЫТУ, ТРАДИЦИЯМ И ИСКУССТВУ НАРОДОВ СЕВЕРА, ПОСКОЛЬКУ ОБРАЩЕНИЕ К ОТЕЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ ВОСПИТЫВАЕТ УВАЖЕНИЕ И ГОРДОСТЬ ЗА ЗЕМЛЮ, НА КОТОРОЙ МЫ ЖИВЁМ.

ИЗУЧИВ КУЛЬТУРУ СВОИХ ПРЕДКОВ, ИСТОРИЮ СВОЕГО НАРОДА, ДЕТИ В ДАЛЬНЕЙШЕМ С УВАЖЕНИЕМ И ИНТЕРЕСОМ БУДУТ ОТНОСИТЬСЯ К КУЛЬТУРНЫМ ТРАДИЦИЯМ ДРУГИХ НАРОДОВ.

НАШ ЯНАО ОКРУГ РАСПОЛОЖЕН В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ, ПЛОЩАДЬ ЕГО СОСТАВЛЯЕТ 750,3 ТЫС. КВ. КМ. С СЕВЕРА ОМЫВАЕТСЯ КАРСКИМ МОРЕМ. В ПРЕДЕЛЫ ОКРУГА ВХОДЯТ ВОСТОЧНЫЕ СКЛОНЫ ПОЛЯРНОГО УРАЛА, ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ ГЫДАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА, ТАЗОВСКОГО ПОЛУОСТРОВА, ПОЛУОСТРОВ ЯМАЛ. НА БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ ОКРУГА РАСПРОСТРАНЕНА РАЗНОЙ ГЛУБИНЫ ЗАЛЕГАНИЯ ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА.

ДОШКОЛЬНИК ВОСПРИНИМАЕТ ОКРУЖАЮЩУЮ ЕГО ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНО, ПОЭТОМУ ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ЧУВСТВА К РОДНОМУ ГОРОДУ, КРАЮ И РОДНОЙ СТРАНЕ У НЕГО ПРОЯВЛЯЮТСЯ В ЧУВСТВЕ ВОСХИЩЕНИЯ СВОИМ ГОРОДОМ, СВОЕЙ СТРАНОЙ. ИМЕННО ЭТИ ЧУВСТВА НЕОБХОДИМО ВЫЗВАТЬ В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ ПО ОЗНАКОМЛЕНИЮ ДЕТЕЙ С РОДНЫМ ГОРОДОМ И СВОЕЙ СТРАНОЙ. ТАКИЕ ЧУВСТВА

НЕ МОГУТ ВОЗНИКНУТЬ ПОСЛЕ НЕСКОЛЬКИХ, ДАЖЕ ОЧЕНЬ УДАЧНЫХ ЗАНЯТИЙ. ОДНА ИЗ ЗАДАЧ ДОШКОЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ СОСТОИТ В ТОМ, ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО РОДНОГО КРАЯ ТВОРЧЕСКИМ, РАЗВИВАЮЩИМ И ИНТЕРЕСНЫМ ДЛЯ РЕБЕНКА. РАБОТА ПО ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ ДОЛЖНА НОСИТЬ ЦЕЛОСТНЫЙ ХАРАКТЕР, ОНА ТРЕБУЕТ ПРОВЕДЕНИЯ СИСТЕМАТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ПРИВИТИЮ ДЕТЯМ ЧУВСТВА ЛЮБВИ И ПРИВЯЗАННОСТИ К ПРИРОДНЫМ И КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТЯМ РОДНОГО КРАЯ. ЭТО РЕЗУЛЬТАТ ДЛИТЕЛЬНОГО, СИСТЕМАТИЧЕСКОГО И ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РЕБЕНКА.

ПЕДАГОГИ ДЕТСКОГО САДА СОБИРАЮТ МАТЕРИАЛ О ЯМАЛЕ, ДОСТУПНЫЙ ДЕТЯМ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА И ТОТ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ВЫЗВАТЬ У ДЕТЕЙ ЧУВСТВО ВОСТОРГА И ГОРДОСТИ И СТРЕМЛЕНИЕ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ЭТО МОЖЕТ БЫТЬ ЖЕЛАНИЕ РЕБЕНКА НАРИСОВАТЬ ТО, О ЧЕМ ОН УЗНАЛ ОТ ВОСПИТАТЕЛЯ, ПОСАДИТЬ ОКОЛО СВОЕГО ДОМА ЦВЕТЫ, ЧТОБЫ ЕГО ДВОР БЫЛ КРАСИВЕЕ, НЕ СОРИТЬ И Т.Д. ПЕДАГОГУ ВАЖНО НАУЧИТЬ ДОШКОЛЬНИКОВ ЗАМЕЧАТЬ ВОКРУГ ТО ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ, ЧТО СОЗДАЕТСЯ РУКАМИ ЛЮДЕЙ, ВОСХИЩАТЬСЯ ЭТОЙ РАБОТОЙ, ЦЕНИТЬ И БЕРЕЧЬ.

ВСЯ РАБОТА РАСПРЕДЕЛЕНА ПОМЕСЯЧНО, ПРЕДЛАГАЮТСЯ РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ РАБОТЫ ПО ЗНАКОМСТВУ ДЕТЕЙ С РОДНЫМ ГОРОДОМ И КРАЕМ: ЦЕЛЕВЫЕ ПРОГУЛКИ, БЕСЕДЫ, ДИДАКТИЧЕСКИЕ ИГРЫ, ЧТЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И Т.Д. ОСНОВНОЙ ЦЕЛЬЮ, ПРИОБЩЕНИЯ ДЕТЕЙ К ТРАДИЦИЯМ НАРОДОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА ЯВЛЯЕТСЯ, ФОРМИРОВАНИЕ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА СИСТЕМНЫХ ЗНАНИЙ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ЯМАЛА.

МЫ НАДЕЕМСЯ, ЧТО НАШИ ДЕТИ СМОГУТ ДОСТОЙНО ОЦЕНИТЬ ВКЛАД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАШИХ ПЕДАГОГОВ: БУДУТ ЛЮБИТЬ, БЕРЕЧЬ, СОХРАНЯТЬ И РАЗУМНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ БОГАТСТВА ЯМАЛА, БУДУТ УВАЖАТЬ НАРОД, ПРОЖИВАЮЩИЙ НА ЯМАЛЕ, СОХРАНЯЯ ИХ КУЛЬТУРУ И ТРАДИЦИИ. ВСЕ ЭТО ПОЗВОЛИТ В ДАЛЬНЕЙШЕМ С УВАЖЕНИЕМ И ИНТЕРЕСОМ ОТНОСИТЬСЯ К КУЛЬТУРНЫМ ТРАДИЦИЯМ ДРУГИХ НАРОДОВ.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, ЗАЛОЖИВ ФУНДАМЕНТ С ДЕТСТВА, МЫ МОЖЕМ НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО ВОСПИТАЛИ НАСТОЯЩЕГО ПАТРИОТА, ЛЮБЯЩЕГО СВОЮ РОДИНУ.

ПАМЯТКА «ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА»

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА - НЕЗАМЕНИМОЕ СРЕДСТВО ЭСТЕТИЧЕСКОГО, НРАВСТВЕННОГО, ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ. ОНО ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ РЕБЕНКУ ПОЗИТИВНО ОТНОСИТЬСЯ К ПРИРОДЕ, СЕМЬЕ, РОДИНЕ, РАЗВИВАЕТ ТАКИЕ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ, КАК БЕРЕЖНОЕ ОТНОШЕНИЕ К МАТЕРИ-ЗЕМЛЕ, ТРУДОЛЮБИЕ, УВАЖЕНИЕ К СТАРШИМ, МИЛОСЕРДИЕ И ГОСТЕПРИИМСТВО, ЧУВСТВО ДОЛГА, ПАМЯТЬ О ПРЕДКАХ, ПОЗВОЛЯЕТ ПРИОБЩАТЬ ДЕТЕЙ К ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ СВОЕГО НАРОДА, ЧАСТЬЮ КОТОРОЙ ОН ЯВЛЯЕТСЯ. ПРИОБЩЕНИЕ ДЕТЕЙ К ИСТОКАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, РАЗВИТИЕ ИНТЕРЕСА К НАЦИОНАЛЬНЫМ ТРАДИЦИЯМ ЯВЛЯЕТСЯ ОЧЕНЬ АКТУАЛЬНЫМ ВОПРОСОМ СОВРЕМЕННОСТИ. НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА НАРОДА БЛИЗКА ПО СВОЕЙ ПРИРОДЕ И ТВОРЧЕСТВУ РЕБЁНКА, ИМЕННО ПОЭТОМУ ОНА БЛИЗКА ЕГО ВОСПРИЯТИЮ, ПОНЯТНА ЕМУ. ФОРМИРОВАНИЕ ЧУВСТВА СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА У РЕБЕНКА, КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СВОЕГО НАРОДА, НЕВОЗМОЖНО БЕЗ ОБРАЩЕНИЯ К ИСТОРИЧЕСКИМ КОРНЯМ И НАЦИОНАЛЬНЫМ ИСТОКАМ СВОЕГО НАРОДА. И СЕГОДНЯ ОЧЕНЬ ВАЖНО НЕ УПУСТИТЬ КРУПИЦЫ НАРОДНОЙ МУДРОСТИ, НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ; СОХРАНИТЬ, ПРЕУМНОЖИТЬ И ПЕРЕДАТЬ ИХ БУДУЩИМ ПОКОЛЕНИЯМ. ПРОЦЕСС ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВОСПИТАНИЯ НАЧИНАЕТСЯ С РАННЕГО ДЕТСТВА. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО, МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР, НАРОДНОЕ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО ОТРАЖАЮТСЯ В СОДЕРЖАНИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ УЖЕ С МЛАДШИХ ГРУПП ДЕТСКОГО САДА. ДОШКОЛЬНЫЙ

ВОЗРАСТ — ЯРКАЯ, НЕПОВТОРИМАЯ СТРАНИЦА В ЖИЗНИ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА. ИМЕННО В ЭТОТ ПЕРИОД НАЧИНАЕТСЯ ПРОЦЕСС СОЦИАЛИЗАЦИИ, УСТАНОВЛИВАЕТСЯ СВЯЗЬ РЕБЕНКА С ВЕДУЩИМИ СФЕРАМИ БЫТИЯ: МИРОМ ЛЮДЕЙ, ПРИРОДЫ, ПРЕДМЕТНЫМ МИРОМ. ПРОИСХОДИТ ПРИОБЩЕНИЕ К КУЛЬТУРЕ, К ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЦЕННОСТЯМ. ГЛУБОКИЙ, ДУХОВНЫЙ, ТВОРЧЕСКИЙ ПАТРИОТИЗМ НАДО ПРИВИВАТЬ С РАННЕГО ДЕТСТВА. НО ПОДОБНО ЛЮБОМУ ДРУГОМУ ЧУВСТВУ ПАТРИОТИЗМ ОБЕРЕГАЕТСЯ САМОСТОЯТЕЛЬНО И ПЕРЕЖИВАЕТСЯ ИНДИВИДУАЛЬНО. ОН ПРЯМО СВЯЗАН С ЛИЧНОЙ ДУХОВНОСТЬЮ ЧЕЛОВЕКА, ГЛУБИНОЙ. ПОЭТОМУ, НЕ БУДУЧИ ПАТРИОТОМ, САМ, ПЕДАГОГ НЕ СМОЖЕТ И У РЕБЕНКА ПРОБУДИТЬ ЧУВСТВО ЛЮБВИ К РОДИНЕ. ИМЕННО ПРОБУДИТЬ, А НЕ НАВЯЗАТЬ, ТАК КАК В ОСНОВЕ ПАТРИОТИЗМА ЛЕЖИТ ДУХОВНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ. ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ ВО ВСЕ ВРЕМЕНА БЫЛА ОДНОЙ ИЗ САМЫХ ВАЖНЫХ И НАСУЩНЫХ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВА. ОСОБУЮ ОСТРОТУ ЭТА ПРОБЛЕМА ПРИОБРЕЛА В НАШЕ ВРЕМЯ. СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ ДИКТУЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ К ПРИОРИТЕТАМ ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ. И ЭТОТ ПРОЦЕСС ДОЛЖЕН НАЧИНАТЬСЯ В ДОШКОЛЬНОМ ДЕТСТВЕ. РОДНАЯ КУЛЬТУРА ДОЛЖНА СТАТЬ НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТЬЮ ДУШИ РЕБЕНКА, НАЧАЛОМ, ПОРОЖДАЮЩИМ ЛИЧНОСТЬ. ИСХОДЯ ИЗ ЭТОГО, ВЫБРАЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В СВОЕЙ РАБОТЕ.

ВО-ПЕРВЫХ, ОЗНАКОМЛЕНИЕ ДЕТЕЙ С ПРЕДМЕТАМИ НАРОДНОГО БЫТА. ВЕДЬ ОНИ ВПЕРВЫЕ ПРОБУЖДАЮТ ДУШУ РЕБЕНКА, ВОСПИТЫВАЮТ В НЕМ ЧУВСТВО КРАСОТЫ, ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ. И ОНИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ НАЦИОНАЛЬНЫМИ. ЭТО ПОМОЖЕТ ДЕТЯМ С САМОГО РАННЕГО ВОЗРАСТА ПОНЯТЬ, ЧТО ОНИ - ЧАСТЬ ВЕЛИКОГО РУССКОГО НАРОДА.

ВО-ВТОРЫХ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОЛЬКЛОРА ВО ВСЕХ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯХ (СКАЗКИ, ПЕСЕНКИ, ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, ХОРОВОДЫ, ЗАГАДКИ, СЧИТАЛКИ). В-ТРЕТЬИХ, ИЗУЧЕНИЕ ДЕТСКОГО КАЛЕНДАРНОГО ФОЛЬКЛОРА ЧЕРЕЗ УЧАСТИЕ РЕБЯТ В КАЛЕНДАРНО - ОБРЯДОВЫХ ПРАЗДНИКАХ, ПОДЧИНЁННЫЕ РИТМУ ПРИРОДЫ, ОДУХОТВОРЁННЫЕ ЖИВОЙ РАДОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ, ПРОВЕРЕННЫЕ ДРЕВНЕЙ ЛОГИКОЙ ЖИЗНИ, НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ - НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК НЕ ТОЛЬКО ТРАДИЦИЙ И ОБРЯДОВ, НО И ЖИЗНЕННОГО ОПТИМИЗМА, НЕПОСРЕДСТВЕННО СВЯЗАННОГО С ТРУДОМ И РАЗЛИЧНЫМИ СТОРОНАМИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА ВО ВСЕЙ ИХ ЦЕЛОСТНОСТИ И МНОГООБРАЗИИ. В-ЧЕТВЕРТЫХ, ЗНАКОМСТВО ДЕТЕЙ С НАРОДНОЙ ДЕКОРАТИВНО РОСПИСЬЮ, КОТОРАЯ ПЛЕНЯЕТ ДУШУ ГАРМОНИЕЙ И РИТМОМ, ПОЗВОЛЯЕТ УВЛЕЧЬ ИХ НАЦИОНАЛЬНЫМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ ИСКУССТВОМ. БАЗОВЫМ ЭТАПОМ ФОРМИРОВАНИЯ У ДЕТЕЙ ЛЮБВИ К РОДИНЕ СЛЕДУЕТ СЧИТАТЬ НАКОПЛЕНИЕ ИМИ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА ЖИЗНИ В СВОЁМ ГОРОДЕ, УСВОЕНИЕ ПРИНЯТЫХ В НЁМ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ, ВЗАИМООТНОШЕНИЙ, ПРИОБЩЕНИЕ К МИРУ ЕГО КУЛЬТУРЫ.

Рекомендации «Этюды, упражнения – тренинги, пантомимические сценки как способы овладения навыками актерского мастерства»

В настоящее время при огромном разнообразии музыкальных программ и технологий, в дошкольном воспитании не очень часто можно встретить использование народного творчества. Оно проходит вскользь, мимоходом, не всегда используется: не все дети знают свою историю, народный фольклор, обычаи своего народа. Мало звучит народных песен, дети мало знают пословиц, поговорок, пестушек, задорных припевок и т. д.

Здесь образовался как бы вакуум, не стало связующего звена времен и поколений. В связи с заметным ухудшением нравственного и духовного состояния подрастающего поколения, которое проявляется в искажениях нравственного сознания, эмоциональной, волевой и социальной незрелости детей, подростков данная проблема встает все острее. Эта задача сегодня не может быть успешно решена без глубокого познания духовного богатства своего народа, которое ребенок впитывает через народный фольклор и произведения народного музыкального искусства. В 2007 и 2008гг. в посланиях Президента России Федеральному собранию Российской Федерации было подчеркнуто: «Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности – это такой же

важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность... и общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории».

Народ, не знающий своих корней, не имеет будущего. Краевая антикризисная программа четко обозначила направления работы по данному вопросу. Очень хорошо сказал об этом : «Сохранение исторического наследия, развитие народного искусства и будущее страны – это звенья одной цепи. Рвется звено – теряется связь времен».

Игра – наиболее понятна и доступна для понимания детьми окружающего мира, нравственных начал социума, в котором ребенок растет. В игре он приобретает первые навыки определенных правил и норм поведения, изучает родной язык, учится семейным и родовым традициям. Слова «род» и «народ» имеют один корень. Без знания своих родовых корней, традиций, народной культуры, истории - ни один народ не может существовать.

Народная игра очень тесно связана с пением, закличками, приговорками, зазывалками, играми-хороводами, т. е. игра и музыка в народной культуре тесно переплетаются между собой.

Народная игра, народная песня, пословица, танец – несут в себе мощное и мудрое обучающее начало. В народном творчестве все продуманно, имеет особый нравственный смысл и значение: через него мы учимся любить сначала своих самых близких и дорогих людей – мать, отца, бабушку, сестру, брата, т. е. – родню, род. Затем свой край, Отчизну, Родину. В дальнейшем мы обучаемся и другим нравственным человеческим ценностям.

Еще величайшие мыслители древнего мира Аристотель и Платон высоко оценивали и понимали педагогическую значимость игры. Платон писал: «Я говорю и утверждаю, что человек, желающий стать достойным в каком бы то ни было деле, должен с ранних лет упражняться, то забавляясь, то всерьез во всем, что к этому относится. Например, кто хочет стать хорошим земледельцем или домостроителем, должен еще в играх либо обрабатывать землю, либо возводить какие-то детские сооружения».

Вопросу сохранения и развития в современном обществе духовно-нравственных основ, возвращения вечных истин, ценностей отводится большое место в научных исследованиях и других.

Изучение педагогической литературы, беседы с родителями, наблюдения за творчеством детей на праздниках и в самостоятельной деятельности заставили нас по-иному, другими глазами взглянуть на суть данной проблемы и попытаться ближе и глубже узнать свою историю, познакомить и привить любовь детям к народному творчеству, раскрыть таланты и раскрепостить душу ребенка.

Основные понятия, термины в описании педагогического опыта

Атрибут – отдельный дополняющий элемент к костюму или театральному действию, помогающий лучше воспринять образ или действие в спектакле.

Афиша – плакатное приглашение на театральное представление с описанием действующих актеров и указанием времени начала спектакля.

Бутафория – ненастоящее, имитационное оборудование или часть костюма.

Грим – специальное нанесение на лицо, шею и руки красок, теней, пудры для создания яркости и выразительности образа героя.

Декорации – дополнительное, нарисованное или объемное оформление сцены

Детская риторика – развитие и совершенствование речи ребенка через художественное слово.

Дублер – человек, выполняющий те же функции и действия, что и основной герой пьесы (дублер может заменить заболевшего артиста).

Импровизация – творческое проявление своего видения произведения с помощью своих чувств и способностей.

Костюмированное представление – выступление в костюмах определенной эпохи или определенной тематической направленности.

Кукловодство – умение управлять различными видами театральных кукол.

Медитация (под музыку и без нее) – умение представить воображаемую картину, действие; умение войти в нужный образ, т. е. перевоплотиться.

Мимика – умение эмоционально владеть мышцами лица в зависимости от разных обстоятельств и ситуаций.

Народный фольклор – песни, танцы, игры, припевки, хороводы, заклички, зазывалки, частушки и т. д., придуманные народом.

Пантомимы – язык движений, жестов, поз.

Программка – краткое описание театральной постановки, выдаваемое перед спектаклем.

Репетиция – разучивание отдельных ролей, песен, танцев; всей постановки в целом; их обыгрывание в едином контексте.

Сольные номера – индивидуальное выступление артистов.

Танок – хоровод.

Театральная культура – знание норм поведения в театре; знание разных видов театральной деятельности; знание театральной литературы и

Источники:

<https://infourok.ru/konsultaciya-dlya-roditeley-narodnoe-iskusstvo-v-vozpitanii-detey-3585138.html>

<https://infourok.ru/priobshenie-detey-k-tradiciyam-narodov-krajnego-severa-kak-vazhnoe-usloviye-vozpitanija-lyubvi-k-maloj-rodine-4208985.html>

<https://ds40sar.schoolrm.ru/parents/tips/15777/231737/>